

УДК. 316.0: 131: 01.11  
DOI 10.17223/1998863X/30/3

**Н.А. Иванова**

## **НАУЧНЫЙ ГАБИТУС: ЕДИНСТВО РАЗЛИЧИЙ**

*Предложено авторское понимание субъектного основания науки как социальной практики. Утверждается, что адекватным концептуальным ресурсом для описания субъекта научной практики является понятие «научный габитус». Структура научного габитуса представлена единством когнитивных, поведенческих, ценностных и эмоциональных диспозиций. Продемонстрировано, что гетерогенная диспозиционная структура габитуального основания научной практики выступает источником ее многообразия.*

*Ключевые слова: научная практика, научный габитус, диспозиции, когнитивные диспозиции, поведенческие диспозиции, эмоциональные диспозиции, ценностные диспозиции.*

Современные философские исследования науки отмечены активным поиском ее субъектного основания, что находит свое отражение в идеях «расширенного субъекта» (В.А. Лекторский), «распределенного субъекта» (Б.Г. Юдин), «целостного субъекта» (Л.А. Микешина), «рекурсивного субъекта» (В.И. Аршинов, Я.И. Свирский)<sup>1</sup>. Оформление субъект-ориентированного подхода, на наш взгляд, есть следствие социализации научной рациональности: признания единства процессов производства знания и производства социальной реальности. Именно это обстоятельство делает недостаточным описание субъектного основания науки средствами логики, методологии науки и когнитивной психологии, а требует привлечения концептуальных ресурсов социальных наук, в которых научная субъективность, как правило, фиксируется с помощью понятий «научное сообщество», «ученый» или «исследователь». Однако современная социальная наука предоставляет более широкие возможности. Если согласиться с тем, что наиболее существенные открытия в области современной социальной теории связаны с понятием «практика», то это открывает новые возможности в концептуализации науки и ее субъектного основания. Во-первых, сама наука должна быть понята как социальная практика (единство познавательной деятельности и социальных структур). Во-вторых, определенный вклад в концептуализацию субъектного основания научной практики может внести понятие «габитус», позволяющее преодолеть традиционные оппозиции (такие как телесное/духовное, сознательное/бессознательное, социальное/когнитивное, единичное/коллективное, свобода/необходимость) и описать разнокачественность научной субъективности в целостности и единстве. Гетерогенная структура габитуса дает возможность объяснить негомогенный характер научной практики, поскольку многообразие науки обеспечивается не только различием предметных областей, но и неоднородностью ее субъек-

---

<sup>1</sup> Содержательную сторону изменений в представлениях о субъекте постнеклассической науки очень точно описывает И.В. Черникова [1].

ектного основания. Основная задача настоящего исследования – концептуализировать субъектное основание научной практики посредством понятия «научный габитус».

В качестве концептуального ресурса, предназначенного для анализа субъектного основания научной практики, понятие «научный габитус» предстает как совокупность различных диспозиций: когнитивных, поведенческих, ценностных и эмоциональных. Данная типология является наиболее полной в отношении принятой в психологии традиции различать когнитивные, поведенческие и эмоциональные диспозиции (установки), современного требования их системного анализа, а также признания их социального происхождения. Она также соответствует трактовке габитуса П. Бурдьё как «системы устойчивых и переносимых диспозиций», схем восприятия, мышления, действия и оценивания [2. С. 102]. Выделение ценностных диспозиций есть результат длительной традиции анализа этоса науки, делающей акцент не столько на когнитивной, сколько на морально-этической составляющей научной практики, а также несводимости ценностного к эмотивному.

Выделение когнитивных диспозиций в габитуальном основании научной практики, во-первых, обусловлено длительной философской традицией анализа познания (в частности, разграничением познавательного и ценностного в учении И. Канта), во-вторых, отвечает современному когнитивному «повороту», вызванному изменениями в философии, науке и социуме [3]. В настоящее время можно говорить о разнообразии подходов в понимании природы данных диспозиций. Классическая философская традиция допускает их априорный характер. Эволюционная эпистемология настаивает на том, что когнитивные и ментальные способности представляют собой механизмы органической эволюции. На социальную и социокультурную детерминацию когнитивных форм обращает внимание социологический подход. Каждый из указанных подходов имеет свои сильные и слабые стороны. Оставляя в стороне дискуссии о природе когнитивных диспозиций, мы исходим из идеи взаимосвязи социального и когнитивного, принятой в качестве исходной в социальной эпистемологии, и, следовательно, признаем социальное происхождение когнитивных диспозиций, что не отрицает идеи их эволюционного происхождения. В философии науки идея неоднородного характера когнитивных диспозиций находит свое выражение в понятиях «стили мышления» (К. Мангейм, Л. Флек, В.К. Порус), «парадигмы» и «дисциплинарные матрицы» (Т. Кун), «научно-исследовательские программы» (И. Лакатос). Анализ философских оснований когнитивных диспозиций представлен в тематическом анализе науки Дж. Холтона, а также в анализе научных картин мира, философских оснований науки, идеалов и норм исследования В.С. Степина [4]. Представляется, что в настоящее время именно этот вид диспозиций описан достаточно полно. Признание гетерогенности когнитивных диспозиций не исключает возможности их системной организации, представленной онтологическими и эпистемологическими категориальными сетками.

Тот факт, что мышление реализует себя в коммуникативной форме, позволяет при анализе габитуального основания научной практики обратиться к понятию «лингвистический габитус» с целью описания «актуального горизонта речевой компетенции говорящего» [5. С. 50]. В научной практике

лингвистические диспозиции выполняют функции интеграции и дифференциации, а в процессе их производства ключевую роль играет образование, задача которого заключается в обесценивании обыденного языка и формировании языковой компетенции в определенной сфере.

Если в классической парадигме когнитивные диспозиции обладали привилегированным статусом и рассматривались как особая автономная сфера, то неклассический подход предполагает натурализацию мышления, признание внутренней связи мышления и действия (например, принятие тезиса о том, что язык – это форма социального поведения). Связь мышления и действия, правил и их применения не устанавливается в вакууме, а формируется в практике и имеет социальный характер, что на теоретическом уровне находит свое отражение в идее «практического разума», предложенного еще Аристотелем.

Под поведенческими диспозициями (диспозициями действия) понимается предрасположенность субъекта научной практики к определенному типу действия. Данный вид диспозиций при анализе науки, на наш взгляд, представлен слабо, именно поэтому мы делаем попытку описать его более подробно. Наиболее общую схему типологии поведенческих стратегий, присущих научной практике, предлагает П. Бурдьё, выделяя стратегии подрыва и сохранения [6]. В теории практики французского исследователя данные диспозиции, в первую очередь, зависят от позиции, которую занимает ученый в установленном порядке. При этом данная зависимость не является однозначной. С одной стороны, П. Бурдьё выдвигает предположение, что доминирующие позиции, как правило, обрекают ученого на стратегию преемственности. Стратегия же подрыва, являясь более рискованной, присуща молодым исследователям, принадлежащим контрсообществам. С другой стороны, еретические стратегии не всегда являются предприятием самых обездоленных, но и тех, кто «богат», так как средства, необходимые для научной революции (еретической стратегии), могут быть получены внутри и благодаря научному сообществу. В результате П. Бурдьё делает вывод о том, что оппозиция между данными стратегиями не носит абсолютного характера и ослабевает благодаря возрастанию гомогенности научных габитусов субъектов научной практики. Это уменьшает вероятность «великих» революций, так как все участники в одинаковой мере оснащены накопленными ресурсами. Однако это возможно, как правило, на локальном уровне, в отношении которого другие практики и их носители выступают как конкуренты. Конфликт между стратегиями более заметен на ранних стадиях формирования научных практик. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования стратегий членов социологической школы Э. Дюркгейма, проведенные В. Каради [7]. К основной стратегии Э. Дюркгейма он относит завоевание легитимности посредством интеграции социологии в поле философии, дополнительной стратегией выступил отказ от присоединения к сложившемуся профессиональному социологическому сообществу.

Более развернутую классификацию стратегий, присущих научной практике, предлагает Л. Тевено [8]. Вместо типологии личностей ученых и их социальных ролей предлагается идея многообразия форм креативных конфигураций с целью подчеркнуть связь социального действия с природой их

продукта (научного знания). Использование понятия «конфигурации» вместо термина «социальные представления» указывает на интерес к самим способам и манерам придания формы научным репрезентациям. Среди контрастных форм креативных конфигураций Л. Тевено выделяет революционную (еретическую), стандартную (нормализующую) и прагматическую. Примером стандартной конфигурации является экономическая теория в ее неоклассической форме. Данная творческая конфигурация управляется несколькими порядками или режимами: технократическим и рыночным. Первый представлен математическими моделями (гарантирующими эффективность), требованиями оформления отчетов и статей, рейтинговыми шкалами, сложным инструментарием. В настоящее время подобная фигурация является доминирующей в крупных естественнонаучных исследовательских лабораториях. Ее рыночный характер проявляется в принципе конкуренции за обладание благами (экономическими, культурными, символическими). Основными недостатками нормализующей конфигурации является игнорирование разнообразия и сложности научной практики в целом, дисквалификация других порядков, а главное ее натурализация как естественной и необходимой, что исключает возможность ее критики. Еретическая конфигурация принимает форму, например, школы П. Бурдье. Данный стиль соответствует «вдохновенному порядку величия», основой которого выступают восприятие, чувствование, творческий полет, ощущение духовного откровения, независимость от признания извне, игнорирование критерия успеха, а в целом – генерализация единичного. Другим основанием революционной креативной конфигурации выступает гражданский порядок, который проявляет себя в отказе от патриархального порядка с его ориентацией на традицию. Третья конфигурация является относительно новой, и ее представляет «прагматическая социология» самого Л. Тевено и Л. Болтански, с одной стороны, и акторно-сетевая теория Б. Латура и М. Каллона, с другой. Последняя отмечена интересом к взаимодействию людей и вещей («нечеловеческим» сущностям) и широкой трактовкой социального. Предложенная ими стратегия может быть названа «сетевым» порядком величия и представляет собой аутентичную креативную конфигурацию, что, во-первых, в настоящее время исключает возможность ее критики, а, во-вторых, свидетельствует о ее тенденции к натурализации, что воспроизводит недостаток фигурации нормализующей. Анализ конфигураций, предлагаемый Л. Тевено, осуществляется не с целью создания гибридных форм, а для выявления оснований каждого из порядков и расширения плюрализма порядков. Следует подчеркнуть, что указанные конфигурации, во-первых, не тождественны ценностным системам и символическому производству, так как предполагают материальное оснащение (взаимодействие людей и вещей), во-вторых, выступают источниками дальнейшего развития, так как каждый претендует на всеобщность, что порождает конфликты. А главное, они позволяют интерпретировать научный габитус не как устойчивую идентичность, а как «проблематичное интегрирование множественных и разноуровневых форм вовлеченности в мир» [8]. Основная же проблема заключается в том, что, вырабатывая определенные конфигурации и соответствующие им фигурации (общности), их авторы

сами оказываются им подвержены, в результате чего научные практики образуют относительно автономные сферы.

К еще более детальному анализу поведенческих диспозиций субъекта научной практики, возможно, применим подход, предложенный Т.И. Заславской, которая, описывая поведенческие стратегии в рамках трансформационного поведения, предлагает различные критерии типологизаций [9]. Первая классификация позволяет выделить достигательные, адаптационные, регрессивные и разрушительные стратегии. Вторая представлена тремя классами поведенческих стратегий в зависимости от их функциональности: конструктивными, деструктивными и смешанными. Их объединение позволяет создать достаточно разветвленную классификационную систему поведенческих стратегий.

Однако каковы бы ни были классификации поведенческих диспозиций, следует признать, что они имеют сложную природу и, выступая детерминантами других диспозиций, одновременно зависят от разных факторов: ценностных и когнитивных установок личности, обстоятельств личной биографии, социально-организационных причин, мотивов профессионального роста и т.д. Признание взаимосвязи когнитивных и поведенческих диспозиций габитуального основания научной практики позволяет воздержаться от однозначного ответа на вопрос, что первично, и не придавать когнитивным диспозициям каузальную силу в отношении поведенческих диспозиций. Еще П. Фейерабенда, рассуждая о связи теории и действия, писал: «Создание некоторой *вещи* и полное понимание *правильной идеи* этой вещи являются, как правило, частями единого процесса и не могут быть отделены одна от другой без остановки этого процесса. Сам процесс не направляется и не может направляться четко заданной программой, так как содержит в себе условие реализации всех возможных программ» [10]. И высказал предположение, что «скорее этот процесс направляется некоторым неопределенным побуждением, некоторой «страстью» (Кьеркегор). Эта страсть дает начало специфическому поведению, которое, в свою очередь, создает обстоятельства и идеи, необходимые для анализа и объяснения самого процесса, представления его в качестве «рационального» [10]. В настоящее время свидетельством единства знания и действия являются актуальность проблемы «следование правилу» и использование таких понятий, как «практическая рациональность», «практическое мышление», «фоновая каузальность».

Под ценностными диспозициями понимается форма интенциональной структуры субъекта, представленная отношением к определенным объектам и явлениям. Широкая трактовка ценностных диспозиций позволяет отождествлять их с ценностными ориентациями, которые сегодня признаются элементом диспозиционной структуры личности. Здесь также можно указать на различие подходов к вопросу природы ценностей: натурализм связывает ценности с биологическими и психологическими потребностями человека; трансцендентализм утверждает априорный характер ценностей; культурный релятивизм объясняет происхождение ценностей историческими условиями их формирования. Что касается анализа научной практики, то вопрос о введении в анализ субъектного основания науки ценностных диспозиций является частным случаем проблемы ценностей в науке, представленной оппози-

цией двух подходов. Согласно первому, наука ценностно нейтральна, второй же рассматривает ценности как движущую силу развития наук. Признание и учет ценностного характера научной практики существенно меняет представление о науке, так как предполагает изучение не только ее когнитивного, но и ценностного измерения. Идея взаимосвязи когнитивных и ценностных диспозиций является центральной в сетевой модели научной рациональности Л. Лаудана [11]. Исходя из общего положения о том, что научный консенсус не рождается, а создается, Л. Лаудан следующим образом описывает этот процесс. Он выделяет три уровня научного обоснования (фактуальный, методологический и ценностный) и утверждает, что ни один из них не является привилегированным, так как им присуще отношение взаимной зависимости. При этом, как полагает Л. Лаудан, не существует единственно правильной цели научных исследований или универсальной научной аксиологии: ценности, подобно теориям и методам, подвержены изменениям. Однако можно говорить об актуальном наборе теорий, методов и ценностей и возможности их критической оценки.

В отечественной философии вопрос о ценностных предпосылках научной деятельности является центральным в творчестве Л.А. Микешинной [12]. Данный вопрос детально проанализирован ею в рамках фундаментальной проблемы социальной детерминации познания, решение которой состоит в признании двойной детерминации «мира науки» со стороны объекта и субъекта. Из описания науки посредством системы субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, во-первых, следует, что главным проводником ценностного воздействия выступает субъект. Во-вторых, введение ценностного измерения в анализ науки предполагает широкую трактовку ценностей. В-третьих, признается, что взаимосвязь ценностного и когнитивного носит характер диалектического единства: ценностное и когнитивное, с одной стороны, не сводимы друг к другу, с другой, тесным образом взаимосвязаны. Наконец, выявление взаимосвязи ценностных и когнитивных диспозиций представляет собой задачу, решение которой предполагает междисциплинарный подход.

В философии науки этическая форма ценностных диспозиций маркируется понятием «научный этос», вопрос о содержании которого представляет собой предмет непрекращающихся дискуссий. Выскажем предположение, что в связи с актуальностью для современной науки проблемы ответственности, а также возрастанием интереса к прикладным этикам и самим моральным практикам востребованным может оказаться понятие «моральный габитус», понимаемое как модус практических ценностных диспозиций, имеющих этическую направленность.

Что касается эмоциональных диспозиций, то их следует считать значимым условием научной практики. Можно вспомнить процитированное выше высказывание П. Фейерабенда, а также рассуждения М. Полани об эвристической роли страстности в науке. «Страстность в науке, – писал М. Полани, – это не просто субъективно-психологический побочный эффект, но логически неотъемлемый элемент науки» [13. С. 196]. На эмоциональный аспект социальных практик в свое время обратил внимание Э. Дюркгейм, полагая, что эмоциональная вовлеченность способствует социальной инте-

грации. В теории интерактивных ритуалов Р. Коллинза успех взаимодействия зависит от двух компонентов: культурного и эмоционального [14]. Р. Коллинз утверждает взаимосвязь культурных и эмоциональных ресурсов (например, недостаток эмоциональной уверенности может свести на нет культурную компоненту) и указывает, что культурные и эмоциональные компоненты подвержены изменениям (могут меняться как в положительную, так и в отрицательную сторону), причем эмоциональная энергия более изменчива, чем культурные ресурсы, которые чаще всего имеют тенденцию к росту. Их отличие заключается в том, что если культурные ресурсы могут быть объективированы, эмоциональная энергия в большей степени связана с носителем. Главный же вывод, который делает Р. Коллинз, состоит в том, что именно эмоциональный ресурс является решающим в ситуации взаимодействия, что противоречит представлениям, отождествляющим фундаментальный механизм интеракций с рациональностью. В отечественной философии идеи Р. Коллинза, наряду с воззрениями Ибн Халдуна, позволили Н.С. Розову создать модель социальной динамики, типизирующую субъектные отношения между государством и обществом на основе эмоциональной энергии [15].

Эмоциональные диспозиции, как правило, не учитываются в подходах, сосредоточенных на лингвистических и дискурсивных аспектах научной практики, а также в позитивистской традиции. Однако их наличие в структуре габитуального основания научной практики нам представляется бесспорным. Эмоциональные диспозиции могут быть представлены вовлеченностью и дистанцированием, напряжением и ослаблением. Вовлеченность может выражаться в двух формах: вовлеченность людей и вещей, а также взаимная вовлеченность людей. Первая форма описана в работах К. Кнорр-Цетиной. Предлагаемая ею концепция объектно-центрированной социальности направлена на выявление социальных практик, управляемых и опосредованных объектами, которые образуют для экспертов своего рода «эмоциональный дом». Дополняя идею инструментального отношения к миру Ю. Хабермаса понятиями заботы и участия М. Хайдеггера, К. Кнорр-Цетина предлагает широкую трактовку социальности, включая в нее, помимо экспертов, эпистемические объекты. Последние понимаются не как инструменты или товары, а как объекты, которые обладают свойством «бесконечного раскрытия» и одновременно структурируют желание субъектов научной практики. К. Кнорр-Цетина делает предположение, что «возбуждение от открытия, наряду с волнением, связанным с различными формами самопрезентации экспертов (например, ритуал конференций), играет важную роль в возникновении связи между экспертами и объектами экспертизы» [16. С. 119]. В результате эмоциональные диспозиции предстают как важная сторона объект-центрированной солидарности, присущей научной практике. Это подтверждает правоту М. Мерло-Понти, который писал, что «объект является поначалу привлекательным или отталкивающим, а уже потом черным или голубым, шаровидным или квадратным» [17. С. 50].

Вовлеченность как один из способов мотивации научной практики представлена в исследованиях Л. Тевено. В организованной им экспериментальной творческой фигурации были созданы условия, направленные на создание горизонтальных связей между молодыми исследователями с целью

избегать конфликтов между учениками и мэтрами, с одной стороны, и между самими учениками за статус доверенного лица, с другой. В противоположность практике, когда подобные связи квалифицируются как мешающие эффективной работе, проект Л. Тевено рассматривает их как значимый фактор интеллектуальной интеграции [7]. Публичной формой выражения вклада каждого участника в порожденные инновации явилась практика взаимного цитирования, что позволило соединить общий результат с признанием индивидуализированного вклада каждого. Л. Тевено делает вывод, что основным условием возможности новой конфигурации является готовность (предрасположенность) молодых ученых устанавливать дружеские отношения, сохраняя при этом собственную индивидуальность.

Признание эмоциональных диспозиций находит свое выражение в исследованиях, направленных на выявление их функционального значения в сетях знаний, которое варьируется от открытия новых возможностей до разрывов и диссоциаций, а также обнаружение таких эффектов, как конструирование и динамика сетей знаний, смыслообразование в ситуации интеракции и формирование общего пространства опыта [18]. Можно также указать на попытки их теоретической кодификации, одну из которых демонстрируют западные исследователи, предлагая ввести понятие «эмоциональный капитал», понимая под этим форму ресурса, который может накапливаться, распространяться и обмениваться, подобно другим формам капитала в теории практики П. Бурдьё [19]. В целом же обращение к эмоциональному аспекту (в форме диспозиций, ресурсов или капитала) способствует наиболее полному анализу научной практики, позволяя вывить их значение как источника функционального напряжения и динамики науки.

На наш взгляд, идея научного габитуса, понимаемая как совокупность диспозиций, могла бы оказаться концептуально востребованной в исследовательском проекте И.Т. Касавина, направленного на изучение оксфордского профессорско-преподавательского состава, специализирующегося в области философии [20]. В свое время этот проект с элементами микро-социологических методик был обусловлен, как отмечает его инициатор, рядом факторов. Во-первых, актуальными для отечественной философии задачами самоопределения и выбора путей собственного развития. Во-вторых, состоянием оксфордской философии, которая объективно оценивается как имеющая высокий академический и интеллектуальный уровень и нормально функционирующая в качестве философской парадигмы. В нашу задачу не входит детальный анализ очень интересных данных, полученных И.Т. Касавиным, вместо этого мы попытаемся интерпретировать полученные результаты сквозь призму диспозиционного разнообразия габитуального основания практики философствования. Так, когнитивные диспозиции оксфордских философов, носящие одновременно оценочный характер, варьируются от признания аналитической философии и ее методологии как самого плодотворного направления в современной философии и на этом основании отрицания других философских традиций или сдержанного отношения к ним до признания упадка аналитической философии, сопровождающегося отсутствием знания о других традициях. Признание в качестве центральных фигур философской традиции XX века Л. Витгенштейна и К. Поппера (второй



назван 10 % респондентов) противостоит невозможности выделить главные имена современной эпистемологии. Отрицание смысла проблемы демаркации и принятие идеи научного сообщества формальными профессорами сменяется признанием преподавателями важности проблемы демаркации в настоящее время и отрицанием единства научного сообщества в силу его пристрастности и заинтересованности. Эмоциональные диспозиции представлены оппозициями: спокойствие и беспокойство, доброжелательность и раздражительность, открытость и закрытость, оптимизм и пессимизм. Совмещение двух типов стратегических диспозиций, а именно «активные – пассивные» и «самостоятельные – зависимые» позволяет получить четыре типа позиций, среди которых внутренней целостностью обладает лишь один – активный и независимый «профессор-визитер». Общее же противостояние поведенческих диспозиций может быть представлено оппозицией «еретиков и благонадежных». В целом же бросается в глаза диспозиционное различие оксфордских «донов», а существующее сходство отмечено противоречием (например, игнорирование «чужой» философии как общая внутренняя установка сочетается с внешней оценкой западной философии как плюралистичной и демократичной). То обстоятельство, что за формирование описанной диспозиционной совокупности отвечает не столько государство (государственная идеология), сколько система университетской подготовки (культурная традиция), не отменяет факта ее социального происхождения. Полученный же результат, обозначенный как свободная и мыслящая личность, в настоящее время, возможно, следует взять в кавычки, так как декларируемая сегодня интернационализация науки при ее детальном изучении оборачивается признанием глубоких национальных различий.

Конечно, введение понятия «научный габитус» предполагает постановку целого ряда вопросов, в частности каковы способы, условия и механизмы изменения и формирования диспозиционной структуры субъектного основания научной практики. В настоящее время можно говорить о двух способах изменения диспозиций, на которые указывает Г.А. Сатаров [21]. Первый: когда диспозиции изменяются под воздействием окружающего мира, тех общих социальных сдвигов, которые происходят в общественной жизни (политике, экономике). И к этим изменениям будут более восприимчивы ученые и исследовательские группы, которые наиболее релевантны к этим условиям. Другой способ обусловлен процессом социальной интеракции с отдельными людьми и социальными группами. Обращение к условиям инкорпорирования диспозиций и их выборочной активации в разных ситуациях требует рассмотрения диспозиций не только как результата внешней детерминации, но и как конститутивного источника научной практики (результата самоопределения субъекта), что указывает на множественность научного габитуса. В частности, это означает, что процесс формирования габитуального основания научной практики, например, посредством образовательных институций не отменяет свободы субъекта в процессе интериоризации диспозиций в форме работы над собой.

В целом же обращение к понятию «научный габитус» предлагает более емкое видение субъектного основания науки и предполагает более тщательную исследовательскую работу по восстановлению всей сети зависимостей

и отношений субъекта науки с окружающим миром. В авторской трактовке структура научного габитуса представлена единством когнитивных, поведенческих, ценностных и эмоциональных диспозиций. Гетерогенная структура научного габитуса рассмотрена как источник многообразия субъектного основания науки и самой научной практики. В качестве методологического инструмента «научный габитус» дает возможность работать на среднем уровне, связывая отдельных ученых и исследовательские группы с институциональной средой в ситуации конкретных исследований.

### Литература

1. Черникова И.В. Эволюция субъекта научного познания // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 65–75.
2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.
3. Завьялова М.П. Когнитивный «поворот» в науке и философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 5–12.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
5. Девятко И.Ф. Философия языка и язык социальной науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 5. С. 50–58.
6. Бурдые П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 15–56.
7. Каради В. Стратегии повышения статуса социологии школы Эмиля Дюркгейма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. №5 (29). С. 12–49.
8. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальных общностей // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22-pr.html> (дата обращения: 04.04.2011 г.).
9. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. 568 с.
10. Фейерабенд П. Против метода. Очерки анархистской теории познания. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/feyer01/index.htm> (дата обращения: 24.04.2014)
11. Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. С. 295–342.
12. Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М.: Прометей, 1990. 212 с.
13. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
14. Collins R. On the Microfoundation of Macrosociology // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 86, N. 5. P. 984–1014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/2778745> (дата обращения: 01.03.2014 г.)
15. Розов Н.С. Эмоциональная энергия: историко-социологический анализ // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 12–23.
16. Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V, № 1. С. 101–124.
17. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр.; под ред. И.В.Вдовиной, С.Л.Фокина. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
18. Ненко А.Е. Эмоциональное взаимодействие в сетях знания: границы и возможности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, №1. С. 101–124.
19. Zemdyas M. Emotion Capital and Education: Theoretical Insights from Bourdieu // British Journal of Educational studies. Vol. 55, N. 4. P. 443–463. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/4620582> (дата обращения: 29.03.2013 г.)

20. Касавин И.Т. Оксфордские доны: опыт микросоциологии // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под. ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 449–465.

21. Сатаров Г.А. Социальный интеллект и динамика диспозиций. М.: Фонд ИНДЕМ, 2003. 50 с.

Ivanova Natalia A. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

DOI 10.17223/1998863X/30/3

# SCIENTIFIC HABITUS: UNITY OF DIFFERENCES

**Keywords:** scientific practice, subjective basis of scientific practice, scientific habitus, dispositions, cognitive dispositions, behavioral dispositions, emotional dispositions, value dispositions.

The article suggests the author's understanding of the subjective basis of science as a form of social practice. It is argued that an adequate conceptual resource to describe the subject of scientific practice is the notion of «scientific habitus». The notion of «scientific habitus» gives an opportunity to overcome the traditional oppositions, such as corporeal/spiritual, conscious/unconscious, social/cognitive, individual/collective, and to describe heterogeneity and inhomogeneity of the subjective basis of science in integrity and unity. The structure of scientific habitus is represented by the unity of cognitive, behavioral, value and emotional dispositions. The proposed typology of the dispositional structure of scientific habit basis meets modern perceptions formed in psychology and social theory, as well as the traditions of the philosophical analysis of science. It is proved that the heterogeneity of the dispositional structure of scientific habit basis is a source of its diversity, creates a functional intensity and the variety of scientific practice. The selection of cognitive dispositions in the habit basis of scientific practice is caused by two conditions: firstly, the existence of philosophical tradition to make a difference between cognitive and value aspects; secondly, the occurrence of cognitive «turn». The cognitive dispositions form the cognitive basis of scientific practice, and their analysis indicates the diversity of forms. However, the inhomogeneity of cognitive dispositions doesn't exclude their system organization represented, for example, by ontological and epistemological category grids. The substantial variety of cognitive dispositions is shown by an example of theoretical sociology. The implementation of cognitive dispositions in communicative forms makes it possible to introduce the notion of «scientific linguistic habitus». It is shown that the variety of behavioral dispositions is embodied in the existence of different typologies: strategies of subversion and conservation (P. Bourdieu), revolutionary, standard, pragmatic, creative configurations (L. Thevenot), attainable, adaptive, regressive and destructive strategies (T. I. Zaslavsky). The value dispositions are understood as a form of intentional structure of a subject represented by attitude to certain objects and phenomena. The assumption has been made that the introduction of the notion of «moral habitus» understood as a mode of practical dispositions, which have an ethical orientation, to the analysis of the subjective basis of scientific practice is possible. The emotional dispositions are interpreted as a significant component of the habit basis of scientific practice. At the substantial level the emotional dispositions may be represented by involvement and distance, competition and cooperation, intension and relaxation. The involvement can be expressed in two forms: the involvement of people and things and the mutual involvement of people. It is emphasized that there is no possibility to receive an absolute answer about the existence of a direct causal link between different types of dispositions. It is concluded that the introduction of the notion of «scientific habitus» offers a more capacious vision of the subjective basis of science and requires a detailed research work to restore the network of dependencies and the relations of a subject with the world around.

## References

1. Chernikova, I.V. (2014) Evolyutsiya sub"ekta nauchnogo poznaniya [The evolution of the subject of scientific knowledge]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 65–75.
2. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical Reason]. Translated from French by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkina, N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya.
3. Zav'yalova, M.P. (2012) Cognitive turn in science and philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (18). pp. 5–12. (In Russian).
4. Stepin, V.S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.

5. Devyatko, I.F. (2004) *Filosofiya yazyka i yazyk sotsial'noy nauki* [The philosophy of language and the language of social science]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 5. pp. 50–58.
6. Bourdieu, P. (2005) *Pole nauki* [The field of science]. In: Shmatko, N.A. (ed.) *Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nye nauki v poststrukturalistskoy perspective* [Sociology in question. Social sciences in the post-structuralist perspective]. Moscow: Praksis. pp. 15–56.
7. Karadi, V. (2004) Strategii povysheniya statusa sotsiologii shkoly Emilya Dyurkgeyma [Strategies to increase the status of the school of sociology Emile Durkheim]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 5 (29). pp. 12–49.
8. Tevenot, L. (2006) Kreativnye konfiguratsii v gumanitarnykh naukakh i figuratsii sotsial'nykh obshchnostey [Creative configurations in the Humanities and social communities figurations]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 77. [Online]. Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22-pr.html>. (Accessed: 4th April 2011).
9. Zaslavskaya, T.I. (2003) *Sotsial'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva. Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal transformation of Russian society. The activity-structure concept]. Moscow: Delo.
10. Feyerabend, P. *Protiv metoda. Ocherki anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge]. Translated from English. [Online] Available from: <http://psylib.org.ua/books/feyer01/index.htm>. (Accessed: 24th April 2014)
11. Laudan, L. (1996) *Nauka i tsennosti* [Science and values]. In: Pechenkin, A.A. (ed.) *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslyteley Zapada* [Modern philosophy of science: knowledge, rationality and values in the works of Western thinkers]. Moscow: Logos. pp. 295–342.
12. Mikesheva, L.A. (1990) *Tsennostnye predposylki v strukture nauchnogo poznaniya* [Axiological background in the structure of scientific knowledge]. Moscow: Prometey.
13. Polani, M. (1985) *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge. On the way to the post-critical philosophy]. Translated from English by V.A. Lektorskiy & V.I. Arshinov. Moscow: Progress.
14. Collins, R. (1981) On the Microfoundation of Macrosociology. *American Journal of Sociology*. 86 (5). pp. 984–1014. [Online]. Available from: <http://www.jstor.org/stable/2778745>. (Accessed: 1st March 2014). DOI: 10.1086/227351
15. Rozov, N.S. (2011) Emotional energy. An historical and sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 12–23. (In Russian).
16. Knorr-Tsetina, K. (2002) Ob'ektnaya sotsial'nost': obshchestvennye otnosheniya v postsotsial'nykh obshchestvakh znaniya [Object sociality: social relations in post-social societies of knowledge]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 5(1). pp. 101–124.
17. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French by I.V.Vdovina, S.L.Fokin. St. Petersburg: Yuventa, Nauka.
18. Nenko, A.E. (2012) Emotsional'noe vzaimodeystvie v setyakh znaniya: granitsy i vozmozhnosti [Emotional interaction in networks of knowledge: limits and possibilities]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 15 (1). pp. 101–124.
19. Zembylas, M. (2007) Emotion Capital and Education: Theoretical Insights from Bourdieu. *British Journal of Educational studies*. 55 (4). pp. 443–463. [Online]. Available from: <http://www.jstor.org/stable/4620582>. (Accessed: 29th March 2013). DOI: 10.1111/j.1467-8527.2007.00390.x
20. Kasavin, I.T. (2010) *Oksfordskie dony: opyt mikrosotsiologii* [Oxford dons: experience of micro-sociology]. In: Kasavin, I.T. (ed.) *Sotsial'naya epistemologiya: idei, metody, programmy* [Social Epistemology: ideas, methods, program]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. pp. 449–465.
21. Satarov, G.A. (2003) *Sotsial'nyy intellekt i dinamika dispozitsiy* [Social intelligence and dynamics of dispositions]. Moscow: Fond INDEM.